

Сергей Орбий

Проза про Паровозова: рассказчик, стиль, обстоятельства¹

Книги Алексея Моторова – нечастый в литературе 2010-х случай единодушного признания и критиками, и широким читателем. Уже первая (2012) книга Моторова «Юные годы медбрата Паровозова» попала в лонг-лист премии «Большая книга», удостоилась «Приза читательских симпатий» премии НОС, была признана «книгой месяца» по версии книжного магазина «Москва». На обложках его постоянно допечатываемых книг² – отзывы Олега Дормана, Линор Горалик, Льва Рубинштейна, Максима Кронгауза.

В чем причина народной любви? «Постсоветская литература не так богата на симпатичных запоминающихся персонажей, как хотелось бы, но герой романов Алексея Моторова, молодой медик Лешка Паровозов, начинающий свою профессиональную карьеру в смутные времена распада СССР, определенно из числа этих немногих», объясняет критик Галина Юзефович³.

В этих словах – квинтэссенция заглавного образа и сюжета, с которыми интересно разобраться подробнее.

1. Превращение в Паровозова

Прежде всего, обратим внимание на символическую связь имен автора и героя. Книги Моторова – беллетризованные воспоминания о себе самом. «Паровозов» – прозвище, которое ему дали на заре карьеры коллеги по реанимации.

«Я – медбрат. Ходячее недоразумение. Мне уже двадцать два. В этом возрасте все приличные люди институты заканчивают, планы на жизнь строят. А я прячусь от старых знакомых. Ведь разговор обязательно скатится – кем и где работаю. А так не хочется говорить, что в больничной иерархии я нахожусь на самой низкой ступени»⁴.

Паровозов работает медбратом в реанимации Седьмой городской больницы, в свободное время пытаюсь готовиться к экзамену в медицинский. Свободного времени оказывается немного: «Постепенно выяснилось, что при таком графике ни о какой более-менее пристойной подготовке в институт и речи быть не может. [...] Вместо короткого и необременительного этапа я получил тяжелую работу за гроши с отчетливой перспективой деградации. Ловушка захлопнулась».

Однако трагедии не случилось, уже в следующей фразе герой признается: «Но мне и правда очень нравилась медицина, я и думать не хотел не то что о смене профессии, но даже о том, чтобы поменять реанимацию на более спокойное место. [...] ...да и кличка моя здешняя – Паровозов – мне почему-то нравилась».

Обретение не статуса – судьбы, прозвища, перемещение в иное пространство – все это чистой воды мотив инициации, как его описал В.Я. Пропп. В описанных им примерах юноша уходит из семьи в таинственный опасный лес, в глубине которого прячется избушка на курьих ножках. Лес, избушка – все это пространства, пограничные между жизнью и смертью. Как, в сущности, и больница.

Разнообразные «испытания», сопутствующие вхождению во взрослую жизнь, составляют сюжет первой книги про Паровозова. Жанр романа воспитания здесь – только художественная рамка. Что поместилось внутри?

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

² За 10 лет вышло три тома: «Юные годы медбрата Паровозова» (2012), «Преступление доктора Паровозова» (2014), «Шестая койка и другие истории из жизни Паровозова» (2021).

³ Что купить на книжной ярмарке «Рассвет» // Meduza. 16 октября 2021. <https://clck.ru/34mRyN>

⁴ Здесь и далее текст цитируется по: Моторов А. Тот самый Паровозов. М., 2020.

2. Перо и скальпель

Все писавшие про Моторова отмечали, что он продолжает традицию классической русской «врачебной прозы». В первую очередь булгаковской с ее описаниями злоключений молодого медика. Сходство, однако, неполное.

«Записки юного врача» рассказывают про повседневную жизнь земской больницы и одного из ее работников. В отличие от Паровозова, главный герой вообще не назван по имени, служит вдалеке от столиц. Жизнь его полна тоскливых и в то же время душераздирающих подробностей об операциях, пациентах, тонкостях их лечения. Как замечает исследователь, «в "Записках" есть повествовательное бравадирование резкостью медицинских описаний»⁵ – все эти «кругообразно и ловко, как опытный мясник, острейшим ножом полоснул бедро» и т.д.

Есть подобные описания и в «Юных годах...» – как без них, если речь о реанимации? «Со стороны все выглядело, конечно, дико, неподготовленному смотреть – кондрашка хватит. Лежит больная с распахнутой грудной клеткой... Кровищи море, Суходольская качает рукой сердце, а Гилин обшивает вокруг моего вставленного в левый желудочек пальца, который я вытаскиваю по мере ушивания».

Однако Моторов далек и от очерковости, и от физиологизма. Логику повествования у него определяет не физиологический очерк, а скорее медицинская байка: важно не только что было, но и как рассказано.

Вот, скажем, как описана неизбывная коррупция в российских больницах: «Деньги, конечно, брали. Рисковали, но брали. [...] Среди врачебных специальностей есть традиционные, представителям которых давали всегда. Это урологи и гинекологи. Не поблагодарить их почему-то считалось неприличным. Достаточно было посмотреть на стоянку машин у нашей больницы. Время от времени получали хирурги, делясь с анестезиологами. Терапевты, как и невропатологи, в среднем прозябали. Травматологи довольствовались традиционными бутылками. Мне кажется, что хуже всех приходилось реаниматологам. Во-первых, с такой специальностью особо не подхалтуришь. Не станешь же в свободное от работы время реанимировать граждан за деньги».

В сущности, это законченный художественный фрагмент со своей внутренней логикой. Рассказчик начинает с очевидной констатации («Деньги, конечно, брали»), переходит к менее очевидной широкому читателю классификации «коррупционеров» и заканчивает эффектной, как и положено в финале, шуткой.

3. Не компромисс (без кавычек)

Преображение факта в курьез, случай, анекдот – отработанная в русской прозе технология. Ближайшим литературным «родственником» Паровозова тут оказывается уже не Булгаков, а Довлатов. В житейском смысле их профессии различны (один газетчик, другой медбрат), в литературном же весьма близки:

- Обыгрывание имени автора в качестве узнаваемой повествовательной маски (Моторов – Паровозов, Довлатов – Далматов);
- Беллетризация специфических, не известных посторонним обстоятельств работы;
- Тяготение к малым эпическим жанрам, устной импровизации (Довлатов, по многочисленным воспоминаниям, был отличным рассказчиком; для Моторова толчком к созданию книг послужила переписка в соцсетях, о чем еще скажем ниже).

⁵ Сухих И. Сны Михаила Булгакова. Сон первый: гибель Дома // Зарубежные записки. 2007. № 10.
<https://clck.ru/34mSrF>

Но есть и существенное различие. Герои «Компромисса» и «Паровозова» легко превращаются в читателей этих книг, узнавая себя в изображенных ситуациях. При этом читатели Довлатова далеко не всегда были этому рады. Как замечает Александр Генис, «"Компромисс" в Таллине читают как письмо Хлестакова в "Ревизоре"»⁶. Читатели, они же герои Моторова, относятся к рассказам о себе куда благосклоннее⁷. Дело, вероятно, не в том, что описанное им льстит, а в том, что Паровозов, описывая себя и окружающих, не предьявляет реальности счет.

Это не значит, что он всем доволен. Порой он недоумевает, как на целые годы застрял на работе медбрата, почему вообще выбрал эту профессию: «Я ведь, сколько себя помню, всегда боялся врачей, не говоря уж об этих страшных инструментах. Ну и как же так получилось, что я в свои детские страхи окунулся с головой? Самое интересное, что я полжизни работаю по больницам, а подобный вопрос возник у меня почему-то только сейчас». Однако в восприятии Паровозовым своей работы, статуса, места в жизни нет ощущения компромисса, которое создает напряжение довлатовской прозы.

4. Обыкновенная история

Лучший способ понять прозу Моторова – не искать в ней все новые интертексты, а вслушаться в оригинал. На кого похож автор? А рассказчик? Что они сами об этом думают?

«Наверное, я как-то неправильно живу, но у меня никогда не было героев, как примеров для подражания. Кумиров не было. Конечно, я был бы не против играть на гитаре как Ричи Блэкмор, оперировать как Бакулев, а харизму иметь как у Челентано, но каждый должен прожить свою жизнь. Про своё поколение, а это десяток-другой миллионов человек, точно не смогу сказать, кто там на кого равнялся»⁸. Это суждение автора Моторова.

«Интересно, а я тогда для чего живу? Слишком сложный вопрос. Тогда так: для чего я работаю? Я работаю в реанимации. Даже сейчас я продолжаю числиться в нашем отделении. [...] Я работаю в реанимации потому, что это наиболее подходящее место для моего характера. Здесь результат труда быстрый и наглядный, а лечебный процесс, слава богу, не зависит ни от самого больного, ни от его родни, все предписания и назначения выполняются в срок и в нужном объеме. Но я же ничуть не лучше остальных. И так же, как все, оборзел и расслабился. Да взять хотя бы мой лишний перекур или чаепитие, у них же особая цена здесь, где смерть человека – обыденное дело». Это мысли медбрата Паровозова.

В названии первой книги Моторова обыграны узнаваемые формулы классической прозы: «Детские годы Багрова-внука» и т.д. Но не меньше ее сути отвечает другое название – гончаровское. История жизни Паровозова – обыкновенная история, разыгранная, правда, в необыкновенных обстоятельствах реанимации.

Понятие «необыкновенный» имеет тут свои границы. Читатель готов поверить в случай неожиданного воскрешения пациента, на котором Паровозов учил делать внутрисердечные инъекции мыльной водой⁹. Но не готов – в призрачный образ живущего в больничном подвале

⁶ Генис А. Довлатов и окрестности. М., 2021. С. 90.

⁷ «Я никогда не считал себя писателем – лишь автором автобиографических книг, но это и не совсем мемуары, а скорее беллетристика. [...] Раз никто из моих героев на меня до сих пор не обиделся, значит, точно не мемуары» (Алексей Моторов: «Важно осуществить детскую мечту именно в юности» <https://clck.ru/34ni8o>).

⁸ Алексей Моторов: «Каждый должен прожить свою жизнь» (интервью) // <https://clck.ru/34ngUL>

⁹ Достоверность «параллельной» больничной реальности определенно оценивается по иному счету. Моторов признается: «Мне несколько раз доводилось быть консультантом в медицинских сериалах. То, что мне попадало, мало того что недостоверно (люди ленятся просто в поисковой строке термин набить), так еще и драматически очень слабо. Я специально написал для сериала, в котором был консультантом, два эпизода, в которые вставил реальные диалоги, которые случаются в операционной, в реанимации. Мне заявили, что "так не бывает", я потом коллегам врачам этот отзыв зачитывал» («Ночью тайно щупал пульс у тещи»: Интервью Алексея Моторова // <https://clck.ru/34niCo>).

Минотавра¹⁰. Дело, видимо, в том, что истории Паровозова, говоря по-зощенковски, взяты «из материала жизни», а не материала литературы.

На страницах «Юных лет» недаром возникает коллега Евгений Лапутин – тоже писатель, всем авторам предпочитавший Набокова: «Его почти сразу стали печатать. Первая повесть была в "Юности". Очень похоже на то, что он ценил в литературе. Красивые слова, мастерская прорисовка фраз. А мне почему-то всегда хотелось, чтобы он написал о нашей больнице. О врачах, медсестрах, больных, обо всех тех событиях, забавных и трагических. Тут такой кладёшь сюжетов, на сто лет хватит. Умел бы я, как он, обязательно писал бы только об этом».

Он и пишет – обыкновенную историю.

Сюжет первой книги Моторова имеет телескопический эффект: это серия припоминаний, вырастающих друг из друга. То и дело автор оговаривается: «Сразу еще один интересный случай вспомнил. Про еду, охоту-рыбалку и капитана милиции»; «Вот историю вспомнил. Которая, правда, абсолютно ничего в нем [Лапутине] не раскрывает и никак его не показывает. Ну что уж тут поделаешь, у меня почти все истории такие».

Выбор иной формальной структуры в двух последующих книгах не столь важен. «Преступление доктора Паровозова» не столько про «преступление», которое служит сюжетным стержнем, сколько про пионерский лагерь «Дружба» – опять серия припоминаний. Третья книга вовсе не имеет сюжетной мотивировки, рассыпаясь на два десятка рассказов и небольшую повесть. Определение жанра уходит на второй план, размывается: «Моторов тоже врать умеет. Но если пишешь мемуары – то врать нельзя, если роман – то не сочинять глупо. Правда, я не писал ни то, ни другое. Я просто развлекал одну свою бывшую коллегу»¹¹.

Словом, от книги к книге цельность восприятия не нарушается – перед нами тот же рассказчик с узнаваемой интонацией. Источник ее – не письменная (уводящая к Набокову), а устная речь. На слова о развлечении бывшей коллеги стоит обратить внимание.

5. Чувство нормы

В 2012 году автор этой статьи написал заметку «Рождение романа из музыки блога»¹². Вышла она еще до первой книги Моторова. Спустя 10 лет признаю, что именно трилогия про Паровозова – лучший пример взаимообогащения соцсетей и прозы.

«Все началось с соцсетей. Я нашел там людей из прошлой жизни, и меня начало распирает от нахлынувших воспоминаний. Я в то время уже работал с нормальным графиком, у меня бывало свободное время. И я начал развлекать одну нашу бывшую сотрудницу реанимации, с которой мы совпали буквально на год: она пришла, когда я уже увольнялся. Я четыре месяца подряд писал ей письма о случаях, которые бывали до ее прихода. Потом все перечитал и подумал – надо же, книжка получилась целая!»¹³.

Важно, что хотя общение протекает в невиданном прежде виртуальном пространстве, оно укладывается в привычный, насчитывающий сотни лет формат частной переписки и по сути своей не публично. Это спонтанно организованная творческая лаборатория.

«Хотя сомнения были, я ведь ничего раньше не писал. Даже никогда не вел дневников. Максимум – истории болезни на работе казенным языком, письма другу из армии или маме – из пионерского лагеря. Я и за компьютер садился в основном во второй половине дня, когда,

¹⁰ «А Минотавра, живущего в нашем подвале, я придумал еще и потому, что чувствовал, как эмоционально тупею. Везешь покойника в два часа ночи. Свет горит еле-еле, ты один, подвал 700 метров длиной. Впереди какие-то тени, сзади никого, а мне почему-то не страшно. И вот я пытался сам на себя нагнать жути, чтобы опять превратиться в того юношу, который мог зарыдать от сентиментальной книжки. Так появился образ чудовища, которое для меня стало воплощением всего самого плохого, что может быть в таком месте, где болеют и умирают люди. [...] Кстати, многие говорили, что этот образ совершенно лишний» («Палец в сердце вставлял, аминазином кололи – это правда или врут?» Медицинские истории Алексея Моторова (интервью) // <https://clck.ru/34nggx>).

¹¹ Там же.

¹² Оробий С.П. Рождение романа из музыки блога // Homo Legens. 2012. № 1.

¹³ «Ночью тайно шупал пульс у тещи»: Интервью Алексея Моторова // <https://clck.ru/34niCo>

как и у многих, появляется настроение вести душевные разговоры, беседы. Не знаю, как насчет Божьего промысла, могу сказать, что меня вело особое настроение – хотелось поделиться и с самим собой, и с моим гипотетическим собеседником»¹⁴.

Настроение – важное слово для моторовской поэтики. Родившись из переписки, книги сохранили ее непосредственность. Конечно, они привлекают темой (разве не интересно знать, что в голове у представителей профессии, с которой мы все имеем дело чаще прочих?), но в еще большей степени – тоном повествования.

«Описание "той стороны баррикад", особенно если оно хорошее и честное, всегда будет привлекать. Без излишней сентиментальности, но и без жути, от которой уже тошно. Мне кажется, доброе начало в литературе очень важно. [...] Думаю все же, что цинизм – это самое простое и не самое верное»¹⁵.

Вот главная причина заслуженной популярности историй про Паровозова. Во врачебной прозе Моторова вынесены за скобки и чеховская апатия, и булгаковская тоска. Остается нормальная жизнь незлого, не задавленного тяжелой работой, честного человека.

«Я пытаюсь вызвать у читателя ощущение нормы... Одним из таких серьезнейших ощущений, связанных с нашим временем, стало ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением... Значит, абсурд и безумие становятся чем-то совершенно естественным, а норма, то есть поведение нормальное, естественное, доброжелательное, спокойное, сдержанное, интеллигентное, – становится все более из ряда вон выходящим событием... Вызывать у читателя ощущение, что это нормально, – может быть, вот в этом заключается задача, которую я предварительно перед собой не ставил, но это и есть моя тема».

Это не Моторов, это Довлатов¹⁶. Однако в полной мере слова применимы к трилогии про Паровозова. Вот почему эти истории рожают терапевтический эффект: «Самая обширная категория [читателей книг про Паровозова] – почему-то женщины, которые пережили какие-то трагические события. В первые три года я получал от них очень много писем – что они были в депрессии, а моя книжка показалась им такой жизнеутверждающей. А вторая категория – родители, чьи дети после прочтения моей книжки пошли учиться на врачей или медсестер»¹⁷.

Что ж, «каждый должен прожить свою жизнь...».

Шкловский говорил Чудакову, что лучшее, что он придумал в теории сюжета, – это два слова: «предлагаемые обстоятельства». Когда-то молодой человек Моторов с некоторым удивлением обнаружил, что уже который год работает медбратом. Но дело не только в том, чтобы принять предлагаемые обстоятельства. Дело в том, чтобы найти в них себя. В этом секрет и хорошо прожитой жизни, и хорошо написанной книги.

¹⁴ «Сейчас сложно быть просто писателем»: интервью Алексея Моторова // <https://clck.ru/34niGu>

¹⁵ «Палец в сердце вставлял, аминазином кололи – это правда или врут?» Медицинские истории Алексея Моторова (интервью) // <https://clck.ru/34nggx>

¹⁶ Глэд Д. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М., 1991. С. 93.

¹⁷ «Ночью тайно шупал пульс у тещи»: Интервью Алексея Моторова // <https://clck.ru/34niCo>